

НОВИКОВА Ирина Николаевна / NOVIKOVA Irina

Санкт-Петербургский государственный университет / St. Petersburg State University

Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg

i.novikova@spbu.ru

**«ФИНЛЯНДСКИЙ ВОПРОС» В ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ ГЕРМАНИИ
(ФЕВРАЛЬ — ОКТЯБРЬ 1917 г.)***

**THE “FINNISH QUESTION” IN GERMAN EASTERN POLICY FROM FEBRUARY
TO OCTOBER 1917**

Abstract: The article deals with the international context of Finland gaining independence. The author attempts to show Finland's role in the eastern policy of Germany in the period between the February and October revolutions in Russia. It was at this time that Finland was finally included in the sphere of Germany's interests. Compared with other great powers, Germany played most significant role in the process of Finland's exit from the Russian state. However, Finland's independence was limited to the conditions dictated by Berlin. Subsequently, Finland managed to establish its independence and prove its viability, which contributed to the defeat of Germany in the First World War.

Ключевые слова / Keywords: Германия, Россия, Финляндия, финляндская политика Германии, Февральская революция, Октябрьская революция / Germany, Russia, Finland, Finnish policy of Germany, February revolution, October Revolution.

6 декабря 2017 г. исполняется 100 лет независимости Финляндии. Юбилейная дата — прекрасный повод заглянуть в прошлое, вспомнив некоторые аспекты рождения нового государства. Выход малой страны, не имевшей ни дипломатического опыта, ни собственной армии, из состава великой империи многие современники воспринимали как мистический акт, пытаясь найти разгадку этого «чуда» в воздействии внешних сил. Ещё в 1920-е гг. в финском обществе сформировалось представление о достижении Финляндией независимости благодаря поддержке Германии. В финской историографии наибольшее распространение получила концепция «благородной немецкой помощи в освобождении от русского гнёта»¹. Подобная точка зрения также господствовала в немецкой историографии². В настоящее время историография германо-финских отношений периода Первой мировой войны является довольно обширной³. В данной

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 16-01-50115 а(ф).

¹ Suomen Vapaussota vuonna 1918. Helsinki, 1921. Osa I; *Gummerus H.* Jääkärit ja aktivistit. Porvoo, 1928; *Pakaslahti A.* Suomen politiikkaa maailmansodassa. Porvoo, 1933—1934. Osat I—II.

² *Beyer F.* Das deutsche Einschreiten in Finnland 1918 als völkerrechtmässige Intervention. Braunschweig, 1928; *Hubatsch W.* Unruhe des Nordens. Göttingen, 1956; *Aspelmeier D.* Deutschland und Finnland während der beiden Weltkriege. Hamburg, 1967; *Ronsdorf C.* Maximilian Bayer: Ein Wegbereiter zu Finnlands Unabhängigkeit. Helsinki, 1973.

³ *Кяйвярйнен И. И.* Истоки германо-финского антисоветского блока // Учёные записки Карело-Финского государственного университета. Петрозаводск, 1948. Т. 3. Вып. 1. С. 41; *Его же.* Финляндия накануне революции 1918 года // Природные ресурсы, история и культура Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1949. Вып. 1. С. 55—78; *Его же.* О деятельности финских активистов в 1914—1916 гг. // Учёные записки Карело-Финского государственного университета. Петрозаводск, 1955. Т. 5. Вып. 1. С. 57—66; *Холодковский В. М.* Революция 1918 г. в Финляндии и германская интервенция. М., 1967; *Baumgart W.*

статье планируется рассмотреть «финляндский вопрос» в восточной политике Германии в период, последовавший после Февральской революции и предшествовавший провозглашению Финляндией независимости. Это было время, когда Финляндия окончательно вошла в сферу влияния кайзеровской Германии.

Прежде всего, следует отметить, что в начале XX в. даже образованные слои немецкого общества имели весьма смутное представление о Финляндии как о территории, которая находится так же далеко, как Болгария или Португалия, хотя географически Гельсингфорс был расположен значительно ближе к Данцигу или Любеку, чем Гамбург или Кёльн к Софии⁴.

Немецкое общество «открыло» Финляндию в период обострения российско-финляндского конфликта в конце XIX — начале XX в. «Февральский манифест» 1899 г. Николая II вызвал к жизни появление в Западной Европе огромного количества обращений в защиту автономных прав Финляндии. Причём именно в Германии было собрано наибольшее количество подписей выдающихся учёных в защиту финляндской автономии⁵. Обращения западной общественности к российским властям были выдержаны в предельно корректной и вежливой форме. Авторы, по их признанию, «не хотели вмешиваться во внутренние дела России». Они выступали «против разрушения или причинения ущерба политической самостоятельности Финляндии», сожалея о том, что в ходе финляндской политики П. А. Столыпина могла пострадать самобытная финская культура⁶.

Что касается политического руководства Германии, то оно не проявляло особого энтузиазма относительно вмешательства в российско-финляндские противоречия. В период быстро сменявшихся друг за другом международных кризисов 1900—1914 гг. ожесточённая борьба велась вокруг таких регионов, в которых ещё не утвердилось влияние великих держав. Болезненными точками соприкосновения между Германией и Россией являлись Балканы и Турция, но не европейский северо-восток. В Балтийском регионе с начала XX в. преобладала тенденция к сохранению статус-кво⁷. Накануне Первой мировой войны в германском Генштабе отсутствовали военные планы захвата

Deutsche Ostpolitik 1918. Wien ; München, 1966; *Менгер М.* Финляндия в военной политике германского империализма в начале Первой мировой войны // Скандинавский сборник. Таллин, 1972. Вып. 17. С. 110—127; *Idem (Menger M.)* Die Finnlandpolitik des deutschen Imperialismus. 1917—1918. Berlin, 1974; *Nurmio Y.* Suomen itsenäistyminen ja Saksa. Porvoo, 1957; *Arunen O.* Suomi keisarillisen Saksan politiikassa. 1914—1915. Helsinki, 1968.

⁴ *Hagen M.* Die «Entdeckung» Finnlands in der deutschen Öffentlichkeit seit 1899 // *Finnland-Studien.* Wiesbaden, 1990. S. 152.

⁵ Материалы по финляндскому вопросу. Берлин, 1901. С. 84.

⁶ Заявление европейских и финляндских учёных о финляндском вопросе. СПб., 1910. С. 5—7.

⁷ *Hovi O.* The Baltic Area in British policy, 1918—1920. Helsinki, 1980. Vol. 1. P. 28.

Великого княжества Финляндского или высадки туда военно-морского десанта⁸. В данном смысле Финляндия являлась для Германии периферийным регионом. В предвоенный период интересы Германии в Финляндии ограничивались в основном экономической активностью — завоеванием дополнительного рынка сбыта продукции и источника ресурсов. То, что Финляндия сумеет достичь государственной независимости, накануне мировой войны даже трудно было предположить. Кайзер Вильгельм II вообще считал малые страны «смехотворным явлением», функция которых заключалась в том, чтобы в случае международного конфликта встать «под зонтик» той или иной великой державы.

Первая мировая война заставила изменить отношение военно-политической элиты Германии к «финляндскому вопросу». Спустя несколько дней после её начала, 6 августа 1914 г., глава германской дипломатической миссии в Стокгольме Франц фон Райхенау получил поручение от рейхсканцлера Теобальда фон Бетман-Гольвега вступить в контакт с влиятельными политическими деятелями Финляндии с целью создания благоприятного для Германии настроения, пообещав финнам, в случае успешного исхода войны, «создание автономной буферной республики Финляндии»⁹.

Этот внезапно вспыхнувший интерес немецкого руководства к национальным проблемам финляндцев был обусловлен комплексом великодержавных противоречий, в фокусе которых стояла Российская империя. Финляндия представляла собой удобный инструмент для давления на главного восточного противника Германии. Во-первых, в силу своего географического и стратегического положения Великое княжество Финляндское выполняло функцию прикрытия российской столицы. Здесь размещалась база Балтийского флота. Любые проявления недовольства со стороны местного населения ощутимо отражались бы на Петербурге, способствуя отвлечению вооружённых сил с Восточного фронта. Во-вторых, сепаратизм финляндцев, по сравнению с другими национальными меньшинствами империи, за исключением поляков, имел более прочные формы и глубокие основания. Великое княжество Финляндское обладало сильными традициями внутренней самостоятельности, было географически единым и в национальном отношении более целостным, чем, к примеру, Прибалтийские провинции. В начале XX в. Финляндия также приобрела первый опыт борьбы с унификационной политикой имперского правительства. Наконец, в-третьих, в Германии, Швеции и других европейских странах проживало

⁸ *Apunen O.* Suomi keisarillisen Saksan politiikassa. S. 61.

⁹ Reichskanzler an Reichenau vom 6. August 1914: Политический архив МИД Германии, Берлин — Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (далее — PA AA). Der Weltkrieg 11c. Geh. Unternehmungen und Ufriegelungen gegen unsere Feinde in Russland, besonders in Finnland und den russischen Ostseeprovinzen. Bd. 1. Erlass No 48.

значительное количество финляндских эмигрантов, вынужденных в «периоды угнетения» покинуть родину. Причём среди них имелась внушительная прослойка сторонников выхода Финляндии из состава Российской империи, так называемых «активистов». Враждебность финляндской эмиграции по отношению к российскому царизму, мечты об образовании независимого государства создавали предпосылки для сотрудничества между германскими властями и финляндскими эмигрантами.

Поэтому в Берлине в начале Первой мировой войны было принято решение о превращении Финляндии в один из полигонов для «политики революционизирования» России. Разрабатываемая в германском МИД «политика революционизирования»¹⁰ являлась своеобразной стратегией распространения глобального хаоса в странах Антанты. Она имела три уровня. Первый — социальный, который проявился в разжигании социальной напряжённости во враждебных странах, противопоставлении «низов» «верхам», для чего было необходимо сотрудничество с крайними революционерами. Второй уровень — национальный, предполагавший стимулирование межнациональных конфликтов, поддержку сепаратистских движений в странах Антанты. Наконец, третий уровень — религиозный, который выразился в идее подъёма мусульманского мира под священным знаменем джихада в английских и французских колониях и мусульманских регионах России.

Сотрудничество Германии и финляндских националистов нашло своё воплощение в практике егерского движения. Однако к концу 1916 г. германское руководство разочаровалось в их деятельности. В январе 1917 г. в Берлине даже обсуждалось предложение о том, чтобы расселить бывших финляндских егерей на территории Восточной Пруссии или Померании, создав условия для их перехода к гражданской жизни¹¹. Но Февральская революция в России осветила новые перспективы финского национального движения и сняла с повестки дня вопрос о расселении финляндских егерей на немецкой земле.

Февральская революция в России стала для руководства Германии большой неожиданностью. В первые дни революции в Берлине не было ясной картины положения дел в России. Так, руководитель отдела России в германском внешнеполитическом ведомстве, бывший посол Германии в Петербурге граф Ф. Пурталес, был уверен в том, что в России произошёл государственный переворот, организованный Англией. Падение монархии объяснялось результатом интриг

¹⁰ См. подробнее: *Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1994; Idem. Deutsche Kriegsziele: Revolutionisierung und Separatfrieden im Osten 1914 bis 1918 // Historische Zeitschrift. 1959. Bd. 188. S. 249—311.*

¹¹ Schwerin an AA vom 12. Januar 1917: PA AA. Der Weltkrieg 11 c. Bd. 18. Fol. 28—31.

английского посла в Петрограде Дж. Бьюкенена, который таким образом сорвал якобы намечавшиеся германо-русские сепаратные переговоры о мире¹².

В целом, известие о русской революции было встречено в Берлине с нескрываемым воодушевлением, поскольку революционные события предполагали существенное ослабление боеспособности главного восточного противника. Генерал Э. Людендорф заметил по этому поводу: «Революция... означала, ввиду неизбежно связанного с ней понижения боеспособности России, значительное ослабление Антанты. Сколько раз я мечтал о том, что русская революция облегчит наше военное положение»¹³. Революция в России принесла оптимизм и политическому руководству Германии. Помощник рейхсканцлера Т. фон Бетман-Гольвега Курт Рицлер отметил в своём дневнике: русская революция — это «единственная возможность действительно хорошего исхода»¹⁴.

Февральская революция открыла германским стратегам новые перспективы на востоке. По мере ослабления российского военного потенциала Верховное командование убедилось в том, что военный разгром России являлся вполне возможным. Пока Верховное командование мечтало вырвать победу из рук противника на полях сражений, дипломаты придумывали более хитроумные комбинации, чтобы выбить Россию из Антанты. Вообще стремление «отщепить» Россию от своих союзников стало идеей фикс для германской дипломатии на протяжении войны. В Берлине полагали, что вследствие немецкой поддержки всякого рода деструктивных движений, революционных и сепаратистских, Россия окажется под двойным давлением: с внешней стороны — немецкое наступление на фронте, внутри — революционная пропаганда и сепаратистские выступления инородцев. Всё это заставило бы Россию быстрее заключить выгодный для Германии сепаратный мир.

Февральская революция придала новый импульс «политике революционирования» России. Так, в день формирования Временного правительства, 15 марта 1917 г., госсекретарь по иностранным делам А. Циммерман потребовал от проживавших в Стокгольме финляндских эмигрантов «использовать современное положение для энергичных действий» в Финляндии, заявив, что «момент для провозглашения независимости, кажется, наступил»¹⁵.

Наряду с германским МИД в программу «революционирования» России активно включился политический отдел Генерального штаба. 20 марта 1917 г. его глава

¹² Ланник Л. В. Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в её развитии. Саратов, 2012. С. 261.

¹³ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. М., 1924. Т. 2. С. 10, 16.

¹⁴ Riezler K. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / hrsg. K. D. Erdmann. Göttingen, 1972. S. 83.

¹⁵ Zimmermann an Lucius vom 15. März 1917: PA AA. Der Weltkrieg 11 c. Bd. 19.

Э. фон Хюльзен обратился во внешнеполитическое ведомство с просьбой поддержать ходатайство о выделении для финского национально-освободительного движения одного миллиона немецких марок¹⁶. Примечательно, что эта сумма составила пятую часть средств, которые германское внешнеполитическое ведомство запросило у имперского казначейства в марте 1917 г. для революционной пропаганды в России. Как показывают документы Политического архива МИД ФРГ, имперское казначейство с целью реализации упомянутой задачи предоставило 3 апреля 1917 г. пять миллионов марок¹⁷.

24 марта 1917 г. в Берлине было подготовлено якобы одобренное кайзером заявление по «финляндскому вопросу». В нём, в частности, прозвучали следующие слова: «Немецкое правительство заинтересовано в том, чтобы Финляндия по возможности продвигалась в направлении обретения полной самостоятельности. Вследствие этого, немецкое правительство желало бы при заключении мира действовать в соответствующей обстановке для достижения этой цели. Если же какой-либо государственный союз между Россией и Финляндией сохранится, Германия готова выступить в пользу получения последней гарантий автономии»¹⁸. Финляндские сторонники независимости в своих воспоминаниях утверждали, что слух о подписании кайзером Вильгельмом мартовского меморандума по финляндскому вопросу «существенно содействовал тому, чтобы сориентировать Финляндию к решительному образу действий против России»¹⁹. Однако, как представляется, не следует преувеличивать данный факт. Радикализация национальных стремлений населения княжества являлась всё-таки результатом российско-финляндских противоречий и внутренней готовности политической элиты взять на себя ответственность за судьбу Финляндии.

Между тем 23 апреля 1917 г. в Кройцнахе состоялось совещание германского руководства, посвящённое определению ближайших задач Германии в области ведения войны. В ходе дебатов было принято решение о продолжении наступления в Балтийском регионе. Кроме Курляндии и Литвы предполагалось завоевать территории Лифляндии, Эстляндии и Моозундских островов²⁰. На совещании в Кройцнахе германское руководство отклонило просьбу финляндских «активистов» о прямой военной

¹⁶ Hülsen an AA vom 20. März 1917: Ibid. Fol. 104.

¹⁷ AA an Staatssekretär des Reichsschatzamt vom 21. März 1917: Ibid. Fol. 107; Rödern G. an Reichsschatzamt vom 3. April 1917: Ibid. Fol. 191.

¹⁸ Цит. по: Ibid. Fol. 136 (Denkschrift vom 24. März 1917); *Gummerus H.* Jääkärit ja aktivistit. S. 391; *Aspelmeier D.* Deutschland und Finnland während der beiden Weltkriege. S. 19.

¹⁹ *Gummerus H.* «Die Unabhängigkeitsbewegung Finnlands» vom 18. August 1917: PA AA. Der Weltkrieg 11 c. Bd. 22. Fol. 22.

²⁰ *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. S. 290.

поддержке в виде высадки военно-морского десанта в княжество. Однако были обещаны поставки оружия. В мае 1917 г. германская подводная лодка «UC 78» доставила в княжество его первую партию²¹.

Кроме того, ещё в конце марта 1917 г. немецкое командование приняло окончательное решение о выводе 27-го егерского батальона с фронта и размещении его в Либаве. Новый учебный план предусматривал более глубокое специализированное военное образование. Особое значение придавалось подготовке офицерского и унтер-офицерского состава, чтобы финляндцы оказались в состоянии руководить крупными воинскими подразделениями. В пользу подобного обучения ратовал новый командир батальона капитан Эдуард Аусфельд²². С лета 1917 г. увеличилось количество финляндских егерей, отправляемых в княжество с целью создания там военной организации (шюцкора). А. Циммерман в одной из телеграмм генералу Э. Людендорфу указывал: «Мы сейчас многих получивших военное образование финляндцев по возможности отправляем в Финляндию и поддерживаем страну в создании военной организации. Правда, о нашей помощи не должно быть известно»²³.

Провал июньского наступления Временного правительства, внутренняя нестабильность в России, снижение боеспособности её армии и флота способствовали тому, что немецкое Верховное командование убедилось в безнаказанности расширения аннексий на востоке. Постепенно его планы простирались дальше — от Прибалтики к Финляндии и Украине, к ожидаемому распаду Российской империи.

9 августа 1917 г. в Кройцнахе состоялось второе совещание имперского руководства, посвящённое определению германских военных целей, с участием канцлера Г. Михаэлиса. В отношении России военные цели Германии были распределены по двум направлениям: юго-восточному — на Украину, где предполагалось использовать украинское сепаратистское движение «для молчаливого присоединения Украины к Германии», и северо-восточному — на Прибалтийские провинции и Финляндию²⁴.

На августовском совещании впервые за годы мировой войны германское руководство посчитало целесообразным включить Великое княжество Финляндское в свою сферу влияния. С августа 1917 г. курс на отделение его от России получил официальное признание и стал составной частью программы немецких военных целей на востоке. Всё же материалы Кройцнахского совещания не давали конкретного ответа

²¹ Luntinen P. Saksan keisarillinen laivasto. Helsinki, 1987. S. 130.

²² Denkschrift AGL vom 31. März 1917: PA AA. Der Weltkrieg 11 c. Bd. 19. Fol. 194 — 196.

²³ Zimmermann an Lersner vom 4. August 1917: Ibid. Grosses Hauptquartier. Finnland. Bd. 1.

²⁴ Deutsche Quellen zur Geschichte des Ersten Weltkrieges / hrsg. von W. Bihl. Darmstadt, 1991. Dok. No. 153; Fischer F. Griff nach der Weltmacht. S. 348.

на вопрос: каким будет статус Финляндии в случае победы Германии и выхода княжества из состава Российской империи — немецкий протекторат или независимое государство? В Берлине на протяжении войны предпочитали рассматривать Финляндию изолированно от Прибалтийских провинций, подчёркивая при этом её особое положение и наличие существенных предпосылок для создания внутренне самостоятельного государства. Отсюда можно с определённой долей вероятности утверждать, что немецкие политики не отрицали возможности обретения Финляндией самостоятельности во внутренних делах. Но она была бы связана союзническими обязательствами с Германией и могла бы стать северным крылом прогерманского блока государств, так называемой Срединной Европы²⁵.

Курс на включение Финляндии в немецкую сферу влияния сразу же нашёл отражение на страницах немецкой прессы. Увеличилось количество статей, посвящённых «финляндскому вопросу». О возможности создания при помощи Германии независимого финляндского государства писали в сентябре 1917 г. на страницах журнала «Дойче Рундшау» («Deutsche Rundschau», т. е. «Немецкое обозрение») В. Штида и Г. Штенберг²⁶. Определённую популярность приобрела идея закрытия с помощью Финляндии «окна в Европу» для России. Рихард Поле, один из защитников аннексионистской восточной политики Германии, выразил подобную мысль в короткой формуле: «Тот, кто господствует в Финляндии, может господствовать на Балтике»²⁷. Он представлял княжество составной частью протянувшегося от Турции через Балканы, Прибалтийские провинции до Северного Ледовитого океана пояса создаваемых под эгидой Германии вассальных государств. При этом «молодое, культурное Финляндское государство с его первозданной природой» рассматривалось им как «поле деятельности для немецкого капитала»²⁸. Показателен сам факт возрастания интереса немецкой публицистики с августа 1917 г. к Финляндии.

В конце августа 1917 г., чтобы выявить степень поддержки Германией идеи выхода Финляндии из состава Российского государства, в Стокгольм выехал профессор

²⁵ О проектах создания под эгидой Германии нового государственного объединения «Срединной Европы» см. подробнее: *Науман Ф.* Срединная Европа. Пг., 1918; *Ерусалимский А. С.* Германский империализм: история и современность. М., 1964. С. 478; *Садовая Г. М.* Ф. Науман: от «промышленной демократии» к «Срединной Европе» // Первая мировая война: политика, идеология, историография. Куйбышев, 1990. С. 97—112; *Греков Б. И.* Вальтер Ратенау и Россия: эволюция внешнеполитических взглядов. 1914—1922 // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. С. 105; *Fischer F.* Deutsche Kriegziele. S. 235; *Idem.* Weltmacht oder Niedergang: Deutschland im Ersten Weltkrieg. Frankfurt am Main, 1965. S. 71; *Gutsche W.* Mitteleuropaplanungen in Aussenpolitik des deutschen Imperialismus vor 1918 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1972. H. 5. S. 292—301.

²⁶ *Stieda W.* Die Engländer in Ostsee // Deutsche Rundschau. 1917. Bd. 172. S. 159—174; *Stenberg H.* Die ugrofinnischen Völkerschaften // Ibid. 1917. Bd. 173. S. 292—301.

²⁷ Цит. по: *Menger M.* Die Finnlandpolitik des deutschen Imperialismus. S. 36.

²⁸ Ibid.

Э. Ельт. Перед отъездом П. Э. Свинхувуд рекомендовал ему: «Неприменно раздобудь сюда немцев, иначе мы не станем действовать» («Hanki nyt vain saksalaiset tänne, muuten me emme tule toimeen»)²⁹. В шведской столице Ельт встретился с тайным советником МИД Германии Куртом Рицлером и сотрудниками политического отделения Генерального штаба Г. Штейнвахсом и К. Гранцем. В своих воспоминаниях профессор химии Гельсингфорского университета отметил тёплое отношение немецких военных и дипломатических кругов к стремлению Финляндии отделиться от России. Единственное, что не совсем удовлетворяло Э. Ельта, — это то, что не прозвучало столь желанного для «активистов» обещания немецкой высадки на Аландских островах. Представители Германии дали понять, что финляндцы должны сами приложить максимум усилий для подготовки восстания в княжестве. Германия готова оказать помощь оружием и отправкой егерей для организации шюцкора³⁰.

В целом, «финляндский вопрос» в Восточной политике Германии по-прежнему преломлялся сквозь призму германо-российского противостояния и рассматривался Берлином как один из факторов ослабления России. После Февральской революции значение Финляндии в глазах немцев заметно возросло. С августа 1917 г. Германия взяла курс на включение её в свою сферу влияния.

Захват власти большевиками в Петрограде рассматривался в Берлине как «чудо», посланное для спасения Германии³¹. Октябрьская революция вызвала также надежды германского руководства на выход России из войны. С другой стороны, в Финляндии в целом умеренная, консервативная элита после Октябрьского переворота пришла к окончательному убеждению: отделение от революционной России является единственным средством спасения страны. Убеждение в том, что петроградский сценарий не должен повториться в Финляндии, придавало правящей элите необходимую смелость.

Проживавший в это время в Берлине профессор Р. Эрих подготовил меморандум, где попытался обосновать право Финляндии на независимость. По его мнению, поскольку Россия скатилась в состояние анархии, она не могла больше осуществлять в какой-либо форме управление Великим княжеством. К тому же у неё не было правительства, признанного как иностранными государствами, так и внутри страны. Эрих предлагал воспользоваться ситуацией, пока у власти в Петрограде находились большевики³².

²⁹ Цит. по: *Hjelt E. Vaiherikkailta vuosilta: Muistelmia*. Helsinki, 1919. Osa II. S. 61.

³⁰ *Ibid.* S. 58—59.

³¹ *Riezler K. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente*. S. 454.

³² *Enckell C. Poliittiset muistelmani*. Porvoo ; Helsinki, 1956. Osa I. S. 157—159; *Nurmio Y. Suomen*

Среди сторонников выхода Финляндии из состава Российского государства возросла в этот период популярность видного финляндского оппозиционера П. Э. Свинхувуда, вернувшегося после Февральской революции из ссылки в Сибири и не скрывавшего своих симпатий к Германии. В ноябре 1917 г. он возглавил новое финляндское правительство, выступая за скорейшую изоляцию Финляндии от революционной анархии в Петрограде.

С его санкции Э. Ельт вновь выехал в Берлин, чтобы прозондировать перспективы немецкой поддержки выхода Финляндии из состава Российского государства. Финляндские представители сначала отправились в МИД Германии. Согласно воспоминаниям курировавшего финляндское сепаратистское движение советника МИД Р. Надольны, финляндские делегаты обратились с просьбой содействовать провозглашению независимости Финляндии. Р. Надольны ответил им, что об этом не может быть и речи, ибо страна, «которая желает стать полностью свободной и самостоятельной, должна сама заявить о своей независимости»³³. Он посоветовал финляндцам решиться на такой шаг, после чего с немецкой стороны можно было ожидать поддержки³⁴.

26 ноября 1917 г. финляндская делегация была принята в немецкой Ставке в Кройцнахе. Накануне своего визита Э. Ельт отправил генералу Э. Людендорфу доклад, в котором говорилось о «дружеской привязанности и чувстве симпатии к Германии со стороны Финляндии». Э. Ельт придерживался мнения, что княжество «желало отделиться и его необходимо отделить от России. Тогда оно теснейшим образом примкнуло бы к Германии. Финляндия заняла бы место северного звена в цепи государств, которые Германия формирует в Европе в качестве защитного барьера против Востока»³⁵. Для реализации этого плана автор обратился с просьбой о высадке немецкого морского десанта в Финляндии. Провозглашение полной государственной независимости Финляндии ставилось в зависимость от того, готова ли Германия её признать³⁶.

Ответ Э. Людендорфа был весьма многословным. Его речь длилась 35 минут. Основная её идея заключалась в том, что после подписания перемирия между Россией и Германией Финляндии следовало прямо и как можно скорее сделать заявление о независимости и потребовать вывода русских войск. Э. Ельт в своих воспоминаниях отметил факт давления на финляндскую делегацию со стороны Людендорфа в пользу

itsenäistyminen ja Saksa. S. 14.

³³ *Nadolny R. Mein Beitrag*. Wiesbaden, 1955. S. 109.

³⁴ *Ibid.*

³⁵ *Hjelt E. Vaiherikkailta vuosilta*. S. 67—68.

³⁶ *Ibid.*

скорейшего заявления о независимости³⁷. В данном случае генерал обещал Финляндии дипломатическую поддержку на мирных переговорах с Россией, а также продолжение поставок немецкого оружия и содействие в возвращении на родину служивших в германской армии финляндских добровольцев³⁸.

Вероятно, информация о поддержке генералом Людендорфом стремления финляндских националистов к выходу Великого княжества из состава Российского государства ускорила появление Декларации о государственной независимости, принятой финляндским парламентом 6 декабря 1917 г. Финляндская политическая элита чувствовала за своей спиной поддержку практически не знавшей военных поражений великой державы, что прибавляло её действиям решительности. Несмотря на это, итоги голосования показали, что значительное количество парламентариев сомневались в возможности существования Финляндии как независимого государства. Перевес у сторонников независимости был всего в 12 голосов (100 — «за», 88 — «против»).

Подведём итог. Для мировой истории процесс формирования нации, а затем образования независимого государства, скорее, является исключением, чем правилом, так как нарушает наиболее распространённую логику развития событий: государства создавали нации, а не наоборот. Между тем Финляндия очень достойно прошла этот путь. Включение нескольких восточных шведских провинций в состав Российской империи по Фридрихсгамскому мирному договору 1809 г. создало условия для складывания финляндской идентичности и формирования политической нации. За более чем 100-летний российский период Финляндия «заработала» упорным трудом право на независимость. И в тот момент, когда история предоставила малой стране шанс стать независимым государством, она этим шансом умело воспользовалась.

По сравнению с другими великими державами Германия сыграла существенную и наиболее значимую роль в процессе выхода Финляндии из состава Российского государства. Однако обретенная Финляндией независимость оказалась ограниченной в рамках условий, диктуемых из Берлина. Германия действительно проявляла заботу о финляндской независимости, но это немецкое содействие осуществлялось в той мере, в какой сама Финляндия была способна взять на себя роль проводника немецкого влияния в Балтийском регионе. Нейтральная и подлинно суверенная Финляндия Берлину была не нужна. Впоследствии Финляндии удалось утвердить свою независимость и доказать жизнеспособность, чему способствовало в том числе и поражение Германии в Первой мировой войне. Октябрьская революция открыла двери

³⁷ Ibid. S. 72.

³⁸ *Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. S. 11; Hubatsch W. Unruhe des Nordens. S. 111.*

для независимости Финляндии, поражение Германии в войне позволило укрепить её суверенитет.

Список литературы

Греков, Б. И. Вальтер Ратенау и Россия: эволюция внешнеполитических взглядов. 1914—1922 / Б. И. Греков // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. — Москва : Наука. — С. 102—113.

Ерусалимский, А. С. Германский империализм: история и современность / А. С. Ерусалимский. — Москва : Наука, 1964. — 664 с.

Кяйвяряйнен, И. И. О деятельности финских активистов в 1914—1916 гг. / И. И. Кяйвяряйнен // Учёные записки Карело-Финского государственного университета. — 1955. — Т. 5. — Вып. 1. — С. 57—66.

Кяйвяряйнен, И. И. Истоки германо-финского антисоветского блока / И. И. Кяйвяряйнен // Учёные записки Карело-Финского государственного университета. — 1948. — Т. 3. — Вып. 1. — С. 26—50.

Кяйвяряйнен, И. И. Финляндия накануне революции 1918 года / И. И. Кяйвяряйнен // Природные ресурсы, история и культура Карело-Финской ССР. — Петрозаводск : Госиздат Карело-Финской ССР, 1949. — Вып. 1. — С. 55—78.

Ланник, Л. В. Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в её развитии / Л. В. Ланник. — Саратов : Саратовский государственный технический университет, 2012. — 536 с.

Менгер, М. Финляндия в военной политике германского империализма в начале первой мировой войны / М. Менгер // Скандинавский сборник. — Таллин : Ээсти раамат, 1972. — Вып. 17. — С. 110—127.

Садовая, Г. М. Ф. Науман: от «промышленной демократии» к «Срединной Европе» / Г. М. Садовая // Первая мировая война: политика, идеология, историография : (К 75-летию начала войны). — Куйбышев : Куйбышевский государственный университет, 1990. — С. 97—112.

Холодковский, В. М. Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция / В. М. Холодковский. — Москва : Наука, 1967. — 386 с.

Apunen, O. Suomi keisarillisen Saksan politiikassa 1914—1915 / O. Apunen. — Helsinki : Tammi, 1968. — 293 s.

Aspelmeier, D. Deutschland und Finnland während der beiden Weltkriege / D. Aspelmeier. — Hamburg : Christoph von der Ropp, 1967. — 178 s.

Baumgart, W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges / W. Baumgart. — Wien : Oldenbourg, 1966. — 462 s.

Beyer, F. Das deutsche Einschreiten in Finnland 1918 als völkerrechtmässige Intervention / F. Beyer. — Braunschweig : Georg Westermann, 1928. — 159 s.

Fischer, F. Deutsche Kriegsziele: Revolutionierung und Separatfrieden im Osten 1914—1918 / F. Fischer // Historische Zeitschrift. — 1959. — Bd. 188. — Heft 1. — S. 249—311.

Fischer, F. Weltmacht oder Niedergang: Deutschland im Ersten Weltkrieg / F. Fischer. — Frankfurt am Main : Europäische Verlagsanstalt, 1965. — 117 s.

Fischer, F. Griff nach der Weltmacht / F. Fischer. — Düsseldorf : Droste, 1994. — 575 s.

Gutsche, W. Mitteleuropaplanungen in Aussenpolitik des deutschen Imperialismus vor 1918 / W. Gutsche // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. — 1972. — Heft 5. — S. 533—549.

Hagen, M. Die «Entdeckung» Finnlands in der deutschen Öffentlichkeit seit 1899 / M. Hagen // Finnland-Studien. — Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1990. — S. 151—165.

Hovi, O. The Baltic area in British policy, 1918—1921 / O. Hovi. — Helsinki : Finnish Historical Society, 1980. — Vol. 1. From the Compiègne armistice to the implementation of the Versailles treaty, 11.11.1918 — 20.1.1920. — 231 p.

Hubatsch, W. Unruhe des Nordens: Studien zur deutsch-skandinavischen Geschichte / W. Hubatsch. — Göttingen : Musterschmidt, 1956. — 243 s.

Luntinen, P. Saksan keisarillinen laivasto Itämerellä: aikeet, suunnitelmat ja toimet / P. Luntinen. — Helsinki : Suomen historiallinen seura, 1987. — 262 s.

Menger, M. Die Finnlandpolitik des deutschen Imperialismus 1917—1918 / M. Menger. — Berlin : Akademie-Verlag, 1974. — 242 s.

Nurmio, Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa / Y. Nurmio. — Porvoo : WSOY, 1957. — 376 s.

Pakaslahti, A. Suomen politiikka maailmansodassa / A. Pakaslahti. — Porvoo : WSOY, 1933. — Osa I. — 216 s.; 1934. — Osa II. — 315 s.

Ronsdorf, C. Maximilian Bayer: ein Wegbereiter zu Finnlands Unabhängigkeit / C. Ronsdorf. — Helsinki : Suomen historiallinen seura, 1973. — 283 s.

Suomen vapaussota vuonna 1918. — Helsinki : Otava, 1921. — Osa I. — 388 s.